

*Касимова Алина Айдаровна,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ (РАНХиГС),
г. Москва, Россия*

ФРЕЙМИНГ И ЯЗЫКОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается фрейминг как механизм языковой организации политической реальности. Показано, что политические события становятся понятными для массовой аудитории не только через факты, но и через способы называния, метафоры, грамматические конструкции, оценочную лексику, пресуппозиции и медийный повтор. Фрейминг описывается как нормальное свойство публичной коммуникации, которое может приобретать манипулятивный характер, если одна интерпретация выдается за единственно возможную.

Ключевые слова: фрейминг, политический дискурс, медиадискурс, языковое конструирование, политическая метафора, речевое воздействие, номинация.

FRAMING AND LINGUISTIC CONSTRUCTION OF POLITICAL REALITY

Abstract. The article examines framing as a mechanism of the linguistic organization of political reality. It shows that political events become understandable to a mass audience not only through facts, but also through naming strategies, metaphors, grammatical constructions, evaluative vocabulary, presuppositions, and media repetition. Framing is described as a normal feature of public communication

that may acquire a manipulative character when one interpretation is presented as the only possible one.

Keywords: *framing, political discourse, media discourse, linguistic construction, political metaphor, speech influence, nomination.*

Политика редко предстает перед гражданином в виде непосредственного опыта. Большинство политических событий попадает к аудитории через речь политиков, новостные тексты, комментарии экспертов, посты в социальных сетях, заголовки и визуальные образы. Между событием и его восприятием стоит язык. Он не просто сообщает, что произошло, а предлагает способ понимать случившееся: где причина, кто отвечает, кто пострадал, кто действует рационально, а кто нарушает норму.

Именно поэтому тема фрейминга важна для анализа политического медиадискурса. Одно и то же действие может быть названо «реформой», «оптимизацией», «сокращением», «перезапуском» или «ударом по системе». Каждое из этих слов уже задает рамку: оно направляет внимание, включает эмоциональную оценку и подсказывает возможный вывод. В этом смысле политическая реальность в публичном пространстве не просто отражается, а постоянно собирается языком.

В отечественной политической лингвистике политический дискурс понимается как сфера речевой борьбы за власть, легитимность и общественную поддержку. Политическая лингвистика обращается к способам воздействия на политическое сознание общества, а сам политический дискурс можно рассматривать как особое семиотическое пространство, где действуют знаки власти, роли, жанры, мифологемы и базовые политические концепты [Чудинов 2006; Шейгал 2004]. Это позволяет понимать фрейминг не как отдельный прием, а как способ организации политического смысла.

Говоря о языковом конструировании политической реальности, важно избежать упрощения. Язык не создает выборы, законы, конфликты или экономические решения из ничего. Но именно язык делает эти явления общественно понятными. Событие получает имя, место в повестке, объяснительную схему и набор оценок. До этого оно может оставаться фактом, но еще не становится устойчивым элементом коллективной картины мира.

Политическая реальность имеет двойную природу: она складывается из действий институтов и акторов, но существует для массового адресата через символическое описание. Политический дискурс в СМИ ориентирован не только на передачу сведений, но и на интерпретацию: сообщение предлагает адресату определенную модель ситуации [Демьянков 2008]. Поэтому политический текст похож не на нейтральное окно, а на оптику, которая делает одни элементы события видимыми, а другие оставляет на периферии.

Критический дискурс-анализ также подчеркивает связь языка и власти. Дискурс может становиться одним из способов контроля над общественными знаниями, мнениями и моделями ситуации [ван Дейк 2013]. Власть проявляется не только в возможности принять решение, но и в возможности объяснить его так, чтобы определенная интерпретация стала привычной. Фрейминг позволяет увидеть механизм такого объяснения.

Фрейм можно понимать как рамку, внутри которой отдельные сведения соединяются в связную картину. В политической коммуникации фрейм отвечает на несколько вопросов: что произошло, кто является главным действующим лицом, в чем причина проблемы, кому нанесен ущерб, какое решение выглядит естественным. Если событие помещено в рамку «кризиса», от него ждут срочного реагирования; если в рамку «модернизации», временные трудности могут подаваться как цена будущего результата.

Политический фрейминг можно представить как последовательность операций: отбор значений, категоризация, наименование, повествовательное

оформление и выделение модусов фреймирования [Лопатин 2019]. Поэтому фрейм не сводится к одному слову. Он строится из набора речевых решений: что считать главным, кого назвать субъектом, какую причинную связь предложить, какую эмоциональную тональность закрепить.

Политический фрейм обычно имеет нарративную форму. Он предлагает историю с проблемой, виновником, пострадавшей стороной, защитником и способом выхода. Поэтому в политической речи так часто появляются оппозиции «народ - элита», «стабильность - хаос», «обновление - застой», «свои - чужие», «безопасность - угроза». Они упрощают сложную реальность, но делают ее быстро распознаваемой для аудитории.

Первый и самый очевидный инструмент фрейминга - номинация, то есть выбор названия для события, участника или действия. В политическом тексте название почти никогда не бывает полностью нейтральным. Слова «протест», «беспорядки», «гражданская акция», «волнения» или «провокация» могут описывать сходную ситуацию, но каждое из них по-разному распределяет легитимность участников и допустимость реакции на них.

Та же логика действует в отношении политических акторов. Человек или группа могут быть названы «активистами», «оппонентами», «радикалами», «экспертами», «лоббистами», «представителями гражданского общества». Эти обозначения не только информируют, но и заранее формируют уровень доверия. Номинация становится способом поместить участника в нужную политическую позицию.

В семиотической логике политического дискурса значимы не только отдельные слова, но и устойчивые политические знаки, роли и мифологемы [Шейгал 2004]. Поэтому номинация вводит объект в готовую систему смыслов. Если решение названо «историческим прорывом», оно включается во фрейм движения вперед. Если то же решение названо «опасным экспериментом»,

новизна начинает работать как аргумент против. Борьба за название становится борьбой за интерпретацию.

Метафора в политическом дискурсе не является украшением речи. Она моделирует ситуацию через более знакомую область опыта: войну, болезнь, строительство, спорт, путь, рынок или семью. Если политика описывается как «битва», естественными становятся слова «удар», «оборона», «фронт», «победа». Если общество описывается как «организм», появляются «болезни», «симптомы», «лечение» и «оздоровление».

Политические метафоры помогают структурировать представления о власти, государстве, кризисах и общественных группах [Чудинов 2006]. Их сила в том, что они одновременно упрощают сложное и делают его эмоционально убедительным. Военная метафора усиливает чувство угрозы и мобилизации, медицинская - оправдывает болезненные меры будущим выздоровлением, строительная - подчеркивает план и фундамент.

Не менее важна грамматика. Фразы «правительство повысило тарифы», «тарифы были повышены» и «произошла корректировка тарифов» по-разному показывают ответственность. Активная конструкция называет действующего субъекта; пассивная или номинализация могут увести его в тень. Речевые стратегии в целом связаны с прогнозированием и управлением реакцией адресата, поэтому в политическом тексте грамматика тоже работает стратегически: она усиливает, смягчает или размывает агентность [Иссерс 2008].

Оценочная лексика быстро настраивает отношение адресата. Прилагательные «ответственный», «провокационный», «необоснованный», «исторический», «деструктивный» не просто описывают объект, а заранее предлагают эмоциональный знак. Особенно сильны они в заголовках, где у читателя еще нет развернутого контекста, но уже появляется направление оценки.

Более тонкий механизм - пресуппозиция. Она вводит информацию как уже известную или не требующую доказательства. Вопрос «когда власти наконец начнут решать проблему?» предполагает, что проблема существует, что ее до сих пор не решали и что задержка стала чрезмерной. Текст может формально не утверждать эти положения, но адресат часто принимает их как фон.

Эвфемизмы и дисфемизмы также участвуют в фрейминге. «Оптимизация» смягчает сокращение, «регулирование информационной среды» может смягчать ограничительные меры, «провал» усиливает негативную оценку ошибки. Эти средства редко действуют отдельно. Устойчивый фрейм возникает тогда, когда название, метафора, грамматика и оценочная лексика поддерживают друг друга.

Фрейминг особенно заметен в медиасреде, потому что медиа организуют не только сообщение, но и его место в общем потоке. Медiateкст можно рассматривать как базовую единицу медиалингвистики, анализ которой требует учета условий массовой коммуникации [Добросклонская 2008]. Для политического фрейминга это принципиально: рамка закрепляется не только в отдельной статье, но и в повторе заголовков, цитат, визуальных образов и комментариев.

Медийный фрейм складывается из нескольких уровней: отбор темы, иерархия фактов, заголовков, лид, иллюстрация, соседство с другими новостями и частота повторения. В цифровой среде он становится еще компактнее. Пользователь может не читать полный текст, но увидеть карточку, короткий ролик, мем или цитату. Поэтому фрейм часто сжимается до формулы: «кризис доверия», «битва за будущее», «голос регионов», «угроза стабильности».

Рефрейминг становится способом политической конкуренции. На материале дискурса партии Podemos видно, что изменение рамки конфликта и переименование политических оппозиций может повышать дискурсивную эффективность [Ларионова, Демкина 2021]. Когда политический актер меняет рамку, он стремится изменить не только оценку события, но и карту

политического пространства: кто говорит от имени большинства, кто представлен как часть проблемы, какой конфликт считается главным.

Фрейминг не нужно автоматически приравнивать к манипуляции. Любое публичное сообщение вынуждено отбирать факты, выстраивать порядок изложения и выбирать слова. Полная нейтральность в политическом языке практически невозможна. Проблема возникает тогда, когда частная рамка скрывает собственную условность и выдается за единственно возможное описание реальности.

Манипулятивный потенциал проявляется, когда из сообщения систематически исключаются факты, способные нарушить рамку; когда участникам навешиваются устойчивые ярлыки; когда причинная связь внушается композицией, но не доказывается; когда адресату предлагают не рассуждать, а автоматически бояться, возмущаться, гордиться или отвергать. В такой ситуации фрейм начинает управлять восприятием сильнее, чем сами факты.

Для исследователя важно не просто назвать текст манипулятивным, а показать механизм. Нужно проследить, какие номинации повторяются, какие метафоры доминируют, кто представлен активным субъектом, какие основания вводятся как очевидные, какие альтернативные объяснения исключаются. Такой анализ делает разговор о фрейминге доказательным, а не публицистически обвинительным.

Для практического анализа полезно задавать к политическому тексту несколько вопросов. Во-первых, какое событие вынесено в центр и что осталось за кадром? Во-вторых, какие имена получили участники: нейтральные, экспертные, конфликтные, дискредитирующие? В-третьих, кто в предложениях действует активно, а кто появляется как пассивный объект? Эти вопросы позволяют увидеть не только содержание сообщения, но и способ его сборки.

Во-вторых, нужно смотреть на повторяемые слова и образы. Если в разных фрагментах текста постоянно возвращаются «угроза», «защита», «прорыв», «хаос», «давление», «стабильность», то перед нами не случайный набор оценок, а вероятный каркас фрейма. Он может быть усилен визуальными деталями, подбором цитат, порядком фактов и эмоциональным заголовком.

Наконец, важно проверять, допускает ли текст альтернативную интерпретацию. Если читателю оставляют пространство для сравнения причин, последствий и позиций разных сторон, фрейм работает как аналитическая рамка. Если же все элементы сообщения подталкивают к одному выводу и исключают сомнение, фрейм приближается к инструменту управляемого восприятия.

Фрейминг является одним из ключевых механизмов политического медиадискурса. Он соединяет факты, оценки, роли участников, причинные связи и предполагаемые решения в единую смысловую рамку. Благодаря этому политическое событие становится понятным для аудитории, но одновременно теряет часть сложности, поскольку одна схема восприятия вытесняет другие возможные объяснения.

Языковое конструирование политической реальности осуществляется через комплекс средств: номинации дают событию имя, метафоры предлагают модель понимания, грамматика распределяет ответственность, оценочная лексика задает эмоциональный знак, пресуппозиции вводят скрытые основания, а медиаповтор делает рамку привычной. Чем согласованнее работают эти элементы, тем естественнее кажется предложенная интерпретация.

Понимание фрейминга важно не только для лингвистического анализа, но и для медиаграмотности. Оно помогает видеть, что политическая реальность в публичном пространстве не просто дана, а постоянно называется, объясняется и переобъясняется. Критическое отношение к фреймам не означает отказа от интерпретаций; оно означает способность сравнивать их, проверять факты и

замечать, где язык открывает политическую реальность, а где заранее ограничивает ее понимание.

Список литературы:

1. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматава. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

2. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации : учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академический проект, 2008. С. 374-393.

3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2008. 263 с.

4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : ЛКИ, 2008. 288 с.

5. Ларионова М. В., Демкина А. В. Политический дискурс испанской партии «Подemos»: рефреймирование как фактор дискурсивной эффективности // Язык и культура. 2021. № 53. С. 53-71.

6. Лопатин С. В. Политический фрейминг как стратегия манипулирования политическим сознанием // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 1 (34). С. 68-76. DOI: 10.17506/dipi.2019.34.1.6876.

7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.

8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 324 с.